

Эта ночь для У Совэя выдалась на редкость сладкой.

Проснувшись поутру в тумане, он обнаружил, что лежит в объятиях Чи Чэна. Тот смотрел прямо на него. У Совэй сонно пробормотал:

— Утречка.

Как и во все бесчисленные утра до этого, Чи Чэн, проснувшись раньше, старался не тревожить У Совэя и просто лежал, обнимая его, дожидаясь, пока тот сам откроет глаза, и лишь потом вставал готовить завтрак.

У Совэй прижался ближе:

— Хочу на завтрак паровые булочки и соленый тофу с остринкой. Побольше перца.

Тон был таким привычным, словно они прожили вместе не один десяток лет.

Чи Чэна аж передернуло от возмущения. Мало того, что он всю ночь терпел, не имея возможности прикоснуться к желанному телу, так этот наглец, еще не успев толком продрать глаза, уже начал им командовать, как прислугой.

— У-Со-Вэй, кажется, я слишком избаловал тебя своим хорошим отношением, — процедил Чи Чэн и, не раздумывая, хлопнул его по заднице.

— Ай! — взвизгнул У Совэй, подпрыгивая на кровати и потирая горящее место. — Ты чего творишь? С ума сошел с самого утра? Это, между прочим, домашнее насилие, понимаешь?

Красивые глаза Чи Чэна слегка прищурились:

— А мы в каких отношениях? Ты хоть понимаешь значение этого слова?

Услышав это, У Совэй окончательно проснулся. Он ведь вернулся в прошлое.

— Тем более нет никаких отношений. Это называется хулиганство. Впредь руки распускать не смей.

Чи Чэн усмехнулся:

— Раз так, то как называть то, что ты вчера сам ко мне в объятия лез?

У Совэй от боли даже зубами скрипнул:

— Называй это невезением!

Только он закончил, как снизу раздался голос матери. У Совэй шустро сполз с кровати и, придерживая ушибленное место, поспешил вниз. Сейчас его задница была не той, что прошла через все тяготы и испытания, и такой крепкий шлепок от Чи Чэна она перенесла с трудом.

За завтраком он ерзал на стуле, как гусеница, пытаясь устроиться поудобнее. На расспросы матери отвечал, что ногу свело, а виновник сего торжества невозмутимо уплетал еду.

После завтрака мать настояла, чтобы У Совэй сводил Чи Чэна погулять в соседний старинный городок. Делать нечего, пришлось ехать на автобусе. В то время Чи Чэн еще был богатеньким сыночком и У Совэй не успел урезать ему карманные расходы. На остановке У Совэй заметил, что тот копается в телефоне, и съязвил:

— Автобусами пользоваться умеешь? Не говори потом, что я не предупреждал — лучше сходи в магазинчик напротив, разменяй мелочь.

Чи Чэн лишь приподнял веки, глянув на него, но промолчал.

Видя, что тот не шевелится, У Совэй, вспомнив ноющую боль в заднице, добавил:

— Если нас высадят, даже не вздумай делать вид, что мы знакомы.

Автобус подошел. У Совэй оплатил проезд и прошел в самый конец салона. Чи Чэн уселся рядом. У Совэй удивленно уставился на него:

— Мама тайком дала тебе денег?

Чи Чэн посмотрел на него как на идиота и качнул телефоном:

— Ты что, про мобильные платежи не слышал? У Совэй, я просто не пользуюсь таким транспортом, а не дурак.

У Совэй знал о мобильных платежах, но в их глуши эта система еще не работала. Он выхватил телефон и увидел, что списалось чуть больше юаня — на несколько мао меньше, чем у него.

Для экономного У Совэя это было обиднее, чем десять шлепков от Чи Чэна.

Но не успел он расстроиться, как на экране всплыло уведомление. Можно было даже не смотреть на имя отправителя — аватарку он знал слишком хорошо. В конце концов, человек лучше всего помнит двух людей: нынешнего партнера и бывшего партнера нынешнего.

Сообщения от Ван Шо сыпались одно за другим: он спрашивал, где Чи Чэн, почему не отвечает и с кем он сейчас. Даже по тексту было понятно, как сильно Ван Шо сейчас бесится.

— Тебе пишут, — У Совэй швырнул телефон Чи Чэну на колени. Тот мельком глянул и убрал

аппарат в карман.

У Совэй отвернулся к окну:

— Небось твой парень? Не ответишь ему?

Чи Чэн положил тяжелую ладонь на бедро У Совэя:

— Ты рядом, зачем мне отвлекаться на кого-то еще?

— Проваливай, — У Совэй оттолкнул его руку.

\*\*\*

На другом конце провода Ван Шо, глядя на сброшенный вызов, швырнул телефон на журнальный столик:

— Да замолчите вы уже!

Компания, до этого шумно веселившаяся, мгновенно притихла. Кто-то поспешил выключить музыку, и, переглянувшись, гости один за другим потянулись на выход из кабинки. В Цзинхуа все знали Чи Чэна и его окружение — люди с деньгами и властью, с которыми никому не хотелось связываться.

Когда все ушли, Го Чэньюй потушил сигарету и собрался встать, но Ван Шо схватил его за плечо и притянул обратно:

— Куда Чи Чэн делся?

Го Чэньюй повернулся к нему, и в его глазах мелькнула холодная усмешка:

— Откуда мне знать? Я не глист в животе у Чи Чэна, чтобы знать, где он.

— Не вешай мне лапшу на уши. Ты точно знаешь, говори давай! — С того самого дня, как они вернулись с гонок, он не видел Чи Чэна. Тот прислал лишь сообщение, что занят и вернется через пару дней, а потом пропал.

Го Чэньюй развел руками:

— Я правда не знаю. Может, опять зацепил какого-нибудь парня и загулял, забудет обо всем — вернется.

Ван Шо помрачнел:

— Доставай телефон, звони ему.

Го Чэньюй усмехнулся:

— Ван Шо, тебе самому не надоело? Мы взрослые люди, а ты следишь за Чи Чэном, как за молодой женой. Ты же знаешь, он ненавидит, когда его контролируют.

Ван Шо не согласился:

— Вы с ним не разлей вода, но я не видел, чтобы он тебя ненавидел.

Го Чэньюй прикурил сигарету, бросил зажигалку на стол и холодно бросил:

— Друзья и любовники — это одно и то же, по-твоему?

Лицо Ван Шо пошло пятнами, он не желал ничего слушать:

— Плевать мне. Звони ему со своего телефона, я должен знать, где он.

Го Чэньюй проигнорировал его и поднялся, но Ван Шо вцепился в его рукав:

— Пока не дозвонишься, никуда ты не уйдешь.

Го Чэньюй опустил взгляд и молча уставился на него. Его глаза, обычно искрящиеся насмешкой, сейчас напоминали бездонную пропасть.

Было невозможно понять, о чем он думает. Ван Чжэнь как-то предупреждал его держаться от Го Чэньюя подальше, намекая, что тот куда более коварен, чем Чи Чэн. Раньше Го Чэньюй всегда улыбался, и хоть близости между ними не было, опасности Ван Шо не чувствовал.

Но сейчас он впервые ощутил страх. Го Чэньюй казался чужим, непроницаемым и пугающим.

Воздух застыл на несколько секунд. Го Чэньюй затушил сигарету в пепельнице, уголки его губ дернулись:

— Ладно, позвоню.

Он снова стал мягким и обходительным, и эта перемена сбила Ван Шо с толку — ему даже показалось, что он зря накручивает себя.

Го Чэньюй набрал номер. После пары гудков трубку сняли:

— Алло, Чи Чэн, это я. Ты где?

<http://bllate.org/book/20872/2107329>